

Моск. консомалец — 1992 — 25 янв.

ТОВАРИЩ

БАТТЕРФЛЯЙ

ОН НЕУСТРОЕН и бесприютен, как бабочка.

Эрик дает интервью на скамейке в парке — в свое так называемое жилище журналистов приглашать неудобно. Со мной он встретился перед спектаклем в театре.

Началась беготня в поисках свободного местечка, и вдруг Эрик столкнулся со своими сценическими партнерами. Изысканный и подвижный, он перепархивал из одних объятий в другие и, раздавая поцелуи, щебетал: «Дорогие, я сейчас занята. Я должна поговорить с этой девочкой». Эрик явно «бил на эффект» и довольно хихикнул, заметив мою растерянность.

— Эрик, вы лауреат и вообще всемирно признанный талант. А правда, что вас когда-то выставили из института Гнесиных чуть ли не за бесперспективность?

— Безобразие, вечно все перепутают. Меня исключили оттуда за несдачу экзамена по научному коммунизму и отправили в армию. Но доля истины здесь есть — семь лет я никак не мог поступить в московскую консерваторию. Я вообще очень удивлен, что получил в нашей стране музыкальное образование.

Мужской альт — о нем говорит с восторгом вся Европа. Там слышали много высоких мужских голосов, но никогда — столь высокого. А здесь же моему голосу тоже удивляются, но не его достоинством, а его «ненормальности».

Конечно, моих учителей понять можно. Годами создавались определенные приемы преподавания вокала. А тут вдруг мужчина поет немужским голосом — и все растерялись.

— Но ведь за рубежом существуют школы, «ставящие» мужской альт?

— Начать с того, что у меня единственный и неповторимый голос. Такого больше нет и не было. На Западе есть музыкальные заведения, где готовят контенторов.

— Самая высокая нота, которую вы берете?

— Ну, мой рабочий диапазон — «до» третьей октавы и «си» большой октавы. А если постараться — писк, ором, воплем, то смогу взять и «фа» третьей октавы. До сих пор ее могла пропеть только женщина.

— Вам не причиняет неудобства ваш собственный феномен? Уж слишком вы уникальны для нашего общества.

— Это уже проблема общества. Я на сцене больше 13 лет, и у меня выработался иммунитет против ханжества и лицемерия. В общем-то, сия «мораль» присуща всем советским людям. С одной стороны, «как это мило, как это потрясающе», а с другой — «ну все-таки, отчего он так поет?» А одно время меня вообще считали носителем буржуазной культуры. Подобные вещи мне приходилось слышать от людей вполне уважаемых.

— Хворостовский, вы... немало можно назвать фамилий, которые стали известны прежде за границей. Все-таки нет пророка в Отечестве?

— Дело в том, что такая ситуация складывалась в течение последних 70 лет. Вот мне лично так кажется. Потому что искусство нуждается в меценатстве. Это элитарная сфера деятельности. Мы живем только за счет других и совершенно материально не способны. Если у вас есть деньги — то пригласите, пожалуйста, меня в свой домашний театр. И вам — удовольствие, и мне — кусок хлеба. А кто будет посещать оперу на голодный желудок? Нет, сначала нужно накормить не только артистов, но и потенциальных зрителей. Я, признаться, очень надеюсь, что в ближайшее время наконец появятся богатые люди.

— Пять знаменитейших сцен мира — «Ковент Гарден», «Ла Скала», «Метрополитен-опера», венская «Штатс-опера» и «Дойч-опера». Все великие оперные певцы мечтали петь там. А вы?..

— Вот именно, мечтаю. Пока я работал в филармонии, у меня такой возможности не было. Зато сейчас мои интере-

Уникальному альту Эрика Курмангалиева,

исполняющего роль Сонг в спектакле

«М. Баттерфляй», представленном Романом Виктюком, рукоплескала вся Европа.

Наши же «ценители» прислушиваются к певцу недоверчиво: «А

чего это он так поет, как-то по-женски! Может, он кастрат или

голубой!..»

сы представляет германское артистическое агентство «Штайт», и к моим услугам лучшие сцены. Мы сделали довольно большую качественную программу, где и западноевропейская барочная музыка XVIII века, а также Шнитке, Гендель, кантаты Вивальди и Моцарта, церковные хоралы... Видите, какой я разносторонний!

— Там — вы кумир меломанов, здесь — предмет сплетен и «носитель буржуазной культуры». Неужели не приходила мысль как-нибудь не вернуться с гастролей?

— Как ни странно, такое желание не возникло. Хотя всегда считалось, что я политически неблагонадежен и морально неустойчив. Якобы в любой момент могу «предать Родину».

— А тут, ко всеобщему удивлению, у вас оказалось гипертрофированное чувство патриотизма?

— Как раз это у меня отсутствует напрочь. Никогда понять не мог, что это такое.

— Так почему вы все же остаетесь? — Сам не пойму.

— Ладно, оставим это... Имя Курмангалиева стало притчей во языцах после премьеры «М. Баттерфляй». Что вы испытываете к этому спектаклю?

— Ну, во-первых, то, что меня раньше знали только в узком музыкальном кругу — это не к чести прессы. На Западе меня как сенсацию преподнесли бы еще 13 лет назад.

А что касается спектакля... Я очень рад тому, что подобная тема нашла на сцене свое решение. Вы, кстати, знакомы с содержанием? Бедный, несчастный дип-

ломат — и его трагическая любовь к прима китайской оперы, мифической Баттерфляй, оказавшейся мужчиной, агентом иностранной разведки. Через весь спектакль проходят прекрасные арии Баттерфляй из оперы Пуччини.

Я певец, играю там драматическую роль и решаю еще и классические, и хореографические задачи. И эти мои способности имеют место быть реализован-

нулся с этим на экзамене в Гнесинке. Я оказался недалеко от приемной комиссии и слышу, как именитый профессор, народный артист, говорит: «Ах, интересно, кастрат он или нет». И вот с тех пор так и пошло. «Ах, неужели этот альт кастрирован?» Одно время даже думал жениться из-за этого. Но тогда хоть вопрос о сексуальной расположенности не вставал.

— В отличие от, как вы выражаетесь, знаменитостей, я и по магазинам хожу, и в очередях приходится постоять. Гляньте только, до чего я несчастен! О деньгах позвольте не говорить. Конечно, с тех пор как я перешел в «Штайт», мои финансы значительно поправились.

— Не боитесь ли вы, благодаря своему феномену, приобрести имидж женственного, инфантильного человека?

— Смотря что брать за критерий мужественности. Если квадратную челюсть, кулаки эдакого зверского вида — то я, весь такой стройный и воздушный, просто не котируюсь. Но, по моему мнению, у мужчины сила вот где должна быть. — Эрик постучал себя наманикюренным пальцем по лбу.

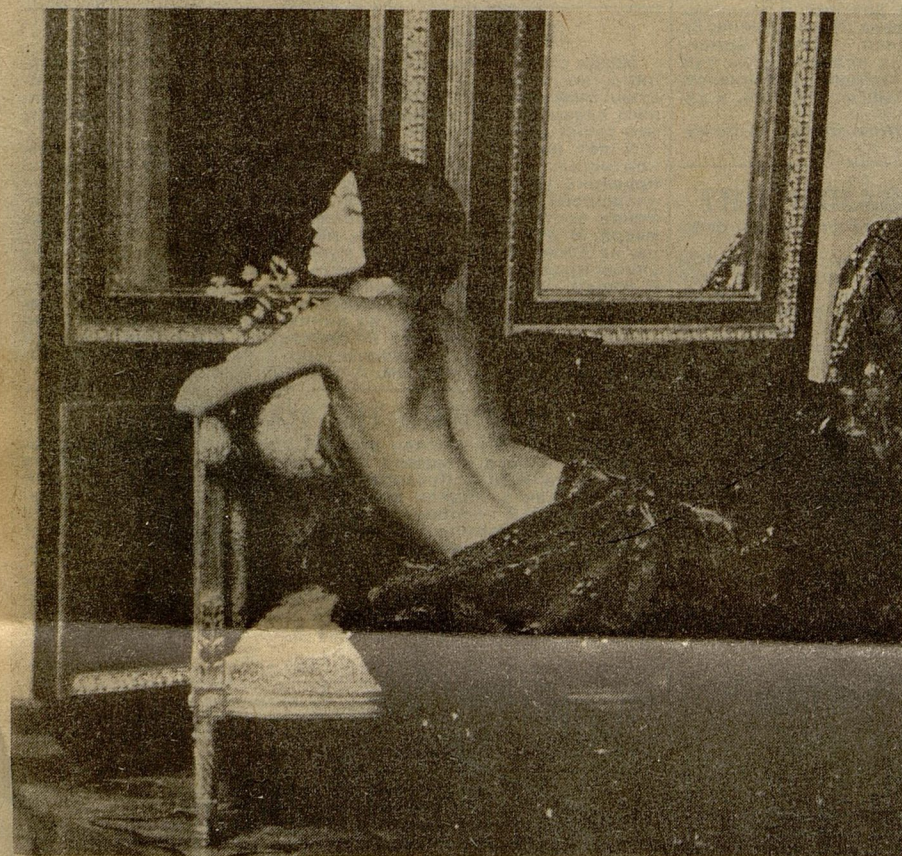
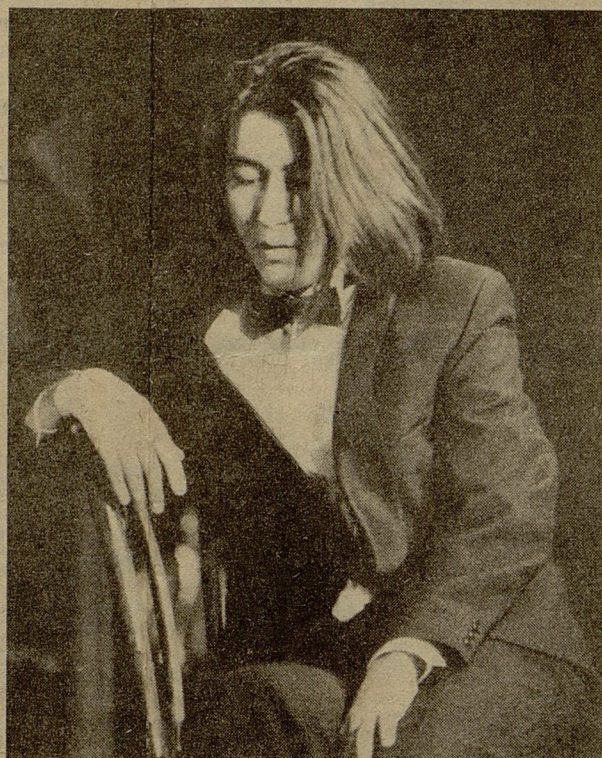
— Кто для вас является авторитетом в музыке?

— Не могу ответить однозначно. Если брать композиторов, то я боготворю Баха и Оффенбаха, Верди и Монтеверди. Об исполнителях судить труднее.

— Признаться, вам нравится быть исключением?

— Скажем, я это осознаю. Но для меня это просто факт — и все.

Ольга СТАРЧЕНКО.

НА СНИМКЕ: Эрик Курмангалиев в роли Сонг Лининг. Фото Валерия ПЛОТНИКОВА.

ными. Но, повторяю, самое главное для меня — сама идея «М. Б.». Если мы уже договорились считать себя цивилизованными людьми, должны смотреть на эти вещи свободно и спокойно.

— Калягин, Табаков и теперь вы. Трудно было войти в женский образ?

— Ни тот, ни другой не ставили перед собой такую проблему. А что касается образа — и это мое глубокое убеждение, — только мужчина знает, какой должна быть настоящая женщина. И наоборот. Вы же представляете себе идеального мужчину?

— В теории, да. Ну вот. И появилась бы возможность, прекрасно сыграли бы его.

— Как складывались у вас отношения с режиссером спектакля Романом Виктюком?

— Смотря что вы имеете в виду.

— Только то, как он нашел вас.

— Встретились мы на моем концерте, и Виктюк решил, что я идеально подхожу для этой роли.

— Говорят, что вы собирались поехать с «М. Б.» на гастроли в Америку...

— В Америку мы опоздали. Представьте, там уже быстренько поставили свою «М. Б.», да еще и затратили на это кучу денег. Теперь у них там над сценой вертолеты летают и вообще черт ногу сломит. Но мы, хоть и без вертолетов, думаю, все же покажем наш спектакль на гастролях.

— Есть ли вопрос, который уже являлся в зубах?

— А как же! Знаю, что и сейчас без него не обойдемся. Первый раз я столк-

303